

Тыквенная ночь

в Нижних Ухабах

Милана Панова

Тыквенная ночь в Нижних Ухабах

«Автор»

2026

Панова М.

Тыквенная ночь в Нижних Ухабах / М. Панова — «Автор», 2026

Варя Синичкина уволилась из офиса, где её звали «Варвара Сергеевна, а можно побыстрее», и получила в наследство чайную лавку в глухом посёлке Нижние Ухабы. Тишины не случилось. Кот разговаривает и врёт про то, сколько его кормить. Домовой на больничном «по причине душевной усталости». Покупатели приходят только после полуночи, и у некоторых нет отражения. А через три дня Хэллоуин, единственная ночь в году, когда местной нечисти не нужно притворяться людьми. Туристы приезжают автобусами и восхищаются «невероятно реалистичными костюмами». Только в этом году кто-то украл Главный Фонарь, старинную тыкву, без которой клыки, хвосты и бинты будут выглядеть ровно так, какие они есть. А в полночь начнётся прямой эфир областного телевидения. Теперь у Вари три дня, доска со стикерами, участковый-оборотень, который боится фейерверков, и весь посёлок с ослиными ушами. Уютная, смешная и немножко страшная история на один осенний вечер. С какао, туманом и тыквами, которые за вами следят.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в Ухабы	6
Глава 2. Ночные покупатели	10
Глава 3. Кабачок с запиской	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Панова
Тыквенная ночь в Нижних Ухабах

Тыквенная ночь в Нижних Ухабах
или Ведьма на испытательном сроке

Глава 1. Добро пожаловать в Ухабы

Автобус «Райцентр — Нижние Ухабы» ходил два раза в день, а в конце октября, как выяснилось, только один, и то если водитель был в настроении.

Водитель был не в настроении. Он посмотрел на Варю, на её чемодан с отломанным колёсиком, на рюкзак, из которого торчал ноутбук, и спросил:

— Вам точно туда?

— Точно, — сказала Варя. — У меня там наследство.

— А-а, — протянул водитель так, будто слово «наследство» объясняло всё, и ничего хорошего. — Ну садитесь. Только на конечной не задерживайтесь. Я после пяти туда не езжу.

— Почему?

— Туман, — коротко ответил он и закрыл двери.

Ехали долго. За окном тянулись поля, побуревшие и пустые, перелески в рыжем и жёлтом, мокрые от вчерашнего дождя. Варя прижалась лбом к стеклу и думала о том, что ровно неделю назад она сидела в переговорной на двенадцатом этаже и слушала, как начальник отдела объясняет, почему отчёт, который она сдала в понедельник, нужно было сдать в пятницу. Прощую.

— Варвара Сергеевна, — сказал он тогда, — а можно как-то побыстрее?

И Варя вдруг поняла, что можно. Можно очень быстро. Она встала, сказала: «Можно», — и ушла писать заявление. Через два часа ей позвонил нотариус и сообщил, что её двоюродная бабушка Агафья Тимофеевна Синичкина, которую Варя видела один раз в жизни, в возрасте шести лет, оставила ей дом с лавкой в посёлке Нижние Ухабы.

Варя тогда решила, что это знак. Знаки, как известно, бывают разные.

На конечной водитель высадил её у покосившейся остановки, посмотрел на небо, потом на часы, и уехал так быстро, что из-под колёс брызнула грязь. Варя осталась одна.

Нижние Ухабы встретили её так, как встречают все приличные посёлки в конце октября: туманом, лужей во всю дорогу и табличкой «Добро пожаловать», на которой кто-то аккуратно дописал маркером «не советуем».

Туман был удивительный. Он лежал по колено, белый и густой, как молоко в кастрюле, и медленно шевелился, хотя ветра не было. Из тумана торчали заборы, кусты шиповника с последними ягодами, тёмные избы с резными наличниками. И тыквы. Тыквы были везде.

Они сидели на крылечках, на заборных столбах, на подоконниках, на лавочках, в тележках и даже на крыше одного сарая. Большие и маленькие, рыжие, бледно-жёлтые, зеленоватые в полоску. У всех были вырезаны лица. Одни улыбались, другие скалились, у третьих было такое выражение, будто они только что вспомнили, что забыли выключить утюг.

— Готовятся, — сказала Варя вслух, чтобы было не так тихо. — Мило.

Она потащила чемодан по улице. Колёсико стучало. Тыквы на крыльце первого же дома проводили её взглядом. Все семь. Медленно, синхронно, как охрана в торговом центре.

Варя остановилась. Тыквы остановились тоже. В смысле, они и раньше не двигались. Наверное. Просто теперь они смотрели прямо на неё.

— Это свет так падает, — твёрдо сказала себе Варя. — Это прорези. Оптическая иллюзия.

Самая большая тыква медленно, со скрипом, перевела взгляд на её чемодан.

Варя пошла быстрее.

Лавка стояла на краю улицы, там, где посёлок кончался и начиналось поле, а за полем темнел лес. Дом был старый, двухэтажный, из потемневших брёвен, с высоким крыльцом и мансардой под острой крышей. Покосившийся, но гордый, как старушка, которая точно знает, что

переживёт всех соседей. Над дверью висела вывеска, вырезанная из дерева: «ЧАИ. ТРАВЫ. СОВЕТЫ». Слово «советы» было подчёркнуто дважды.

На крыльце стояли две тыквы. Эти не смотрели. Эти, кажется, спали.

Варя достала ключ, который ей выдал нотариус. Ключ был огромный, кованный, с бородкой в виде листа. Он вошёл в замок с таким облегчённым щелчком, будто давно этого ждал. Дверь открылась сама.

Над головой звякнул колокольчик.

Внутри пахло так, что у Вари на секунду закружилась голова. Сушёная мята, чабрец, липовый цвет, яблоки, корица, что-то смолистое, хвойное, и ещё что-то, чему она не знала названия, тёплое и чуть горьковатое, как воспоминание о детстве, которого у тебя не было. Под потолком висели пучки трав. Вдоль стен шли полки до самого верха, уставленные банками, жестяными коробками, мешочками с бирками. На прилавке стояли старинные весы с медными чашками и огромный пузатый самовар.

А рядом с самоваром лежал кот.

Это был очень большой чёрный кот. Не просто крупный, а такой, про которых говорят «да он же размером с пуфик» и сами себе не верят. Шерсть у него блестела, как мокрый уголь. Он лежал, обернув хвост вокруг лап, и смотрел на Варю жёлтыми глазами без малейшего удивления.

— Кис-кис, — неуверенно сказала Варя.

— Ну наконец-то, — сказал кот. — Я думал, пришлют кого-нибудь посолиднее.

Варя очень аккуратно поставила чемодан. Потом сняла рюкзак. Потом медленно выдохнула.

— Так, — сказала она. — Я долго ехала. Я почти не спала. Последний раз я ела в восемь утра, это был беляш с вокзала, и, видимо, с ним что-то было не так.

— С беляшом всё было нормально, — сказал кот. — Насколько вообще может быть нормально с беляшом. Это я разговариваю. Привыкай.

— Коты не разговаривают.

— Обычные не разговаривают. А я Аристарх. — Кот потянулся, демонстрируя когти, каждый из которых мог бы служить консервным ножом. — Фамильяр Агафьи Тимофеевны в течение шестидесяти трёх лет. Теперь, видимо, твой. Хотя это ещё обсуждается.

— Фамильяр, — повторила Варя.

— Помощник ведьмы.

— Ведьмы.

— Ты всегда повторяешь последнее слово собеседника? Это утомительно.

Варя села на табуретку, которая стояла у прилавка. Табуретка была очень кстати.

— Бабушка Агафья была ведьмой, — сказала она.

— Была, — согласился кот. — Очень хорошей, кстати. Лучшей в районе. А теперь ведьма ты. Ну, будешь. Со временем. Если не сбежишь. Предыдущие две сбежали.

— Какие предыдущие две?

— Агафья пыталась найти преемницу. Пригласила сначала одну внучатую племянницу, потом другую. Одна уехала через час, когда увидела, кто ходит к нам за чаем. Вторая продержалась до полуночи, а потом домовой вылез поздороваться, и она выпрыгнула в окно. Со второго этажа. Хорошо, там клумба.

— Домовой, — сказала Варя и тут же поморщилась. — Ладно. Я поняла. Не повторять.

— Растёшь на глазах, — одобрил Аристарх.

Он спрыгнул с прилавка. Приземлился тяжело, мягко, с глухим «бум», от которого звякнули банки на нижней полке. Прошёлся вокруг Вариного чемодана, понюхал сломанное колёсико и фыркнул.

— Ты опоздала на сорок лет, — сообщил он. — Агафья ждала, что кто-то из семьи придет, когда ещё могла учить. Но ладно. Работаем с тем, что есть. Ярмарка через три дня, а ты даже не умеешь варить зелье.

— Какая ярмарка?

Кот посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который спросил, что такое Новый год.

— Тыквенная, — сказал он. — Хэллоуин. Тридцать первое. Главный праздник Ухабов. Ты что, тыкв не видела по дороге?

— Видела, — честно сказала Варя. — Они на меня смотрели.

— Это Савельевы. Он их в этом году хорошо вырезал, с душой. — Кот одобрительно дёрнул ухом. — В общем, так. Сейчас ты пойдёшь наверх, найдёшь там комнату с синими занавесками, это теперь твоя. Бельё в комод, полотенца там же. Не трогай банку на подоконнике с надписью «НЕ ОТКРЫВАТЬ». Не ходи после полуночи на чердак. Если услышишь, что кто-то плачет в печной трубе, не отвечай, это ветер. Скорее всего.

— Скорее всего?

— Утром расскажу остальное. И поешь. Там в холодильнике пирожки, их соседка принесла, Эльвира Карловна. С капустой. Ей самой нельзя, она по-другому питается.

Варя хотела спросить, как именно питается Эльвира Карловна, но посмотрела на кота и решила, что выяснит это потом. Лет через десять.

Наверху действительно была комната с синими занавесками. Маленькая, чистая, с низким потолком, лоскутным одеялом на кровати и окном, из которого было видно поле, туман и далёкий тёмный лес. На подоконнике стояла банка, на которой каллиграфическим почерком было выведено: «НЕ ОТКРЫВАТЬ». Внутри банки что-то тихо светилось розовым. Варя аккуратно переставила её на шкаф, подальше.

На кровати лежал конверт.

На конверте было написано: «Варе. Если приедет».

Варя села на одеяло и открыла его. Внутри был листок, исписанный тем же каллиграфическим почерком, только чуть дрожащим.

«Здравствуй, Варенька.

Если ты это читаешь, значит, ты приехала, а я нет. Ну что ж, так бывает. Не грусти обо мне слишком долго, у меня была длинная и очень интересная жизнь, а в последние лет двадцать ещё и довольно весёлая.

Я тебя помню. Тебе было шесть, ты приезжала с мамой на один день, и пока взрослые пили чай, ты разговаривала с моим котом. Долго. Серьёзно. А кот тебе отвечал. Ты не испугалась. Ты потом спросила, можно ли ему тоже налить чаю. Я тогда и решила, что лавка будет твоя.

Тут всё немного не так, как ты привыкла. Ты разберёшься. Ты из Синичкиных, а Синичкины всегда разбираются.

Не бойся тех, кто приходит ночью. Они в основном вежливые.

Слушай кота, но не во всём. Он врёт про то, сколько его кормить.

Чай заваривай сердцем. Самовар подскажет.

И главное. Если в этом году с Фонарём что-то случится, а я боюсь, что случится, потому что он у нас старенький, совсем как я, — загляни в мою тетрадь. Пантелеймон знает, где она.

Обнимаю тебя.

Твоя бабушка Агафья».

Варя перечитала письмо два раза. Потом аккуратно сложила его и положила под подушку. В горле стоял ком. Она не помнила этот день. Совсем не помнила. Но где-то глубоко внутри, под слоями отчётов, дедлайнов, переговоров и «а можно побыстрее», шевельнулось что-то тёп-

лое. Как будто ей шесть, и она сидит за большим столом, и огромный чёрный кот смотрит на неё жёлтыми глазами, и это совсем не страшно. Это интересно.

— Аристарх! — крикнула она вниз. — А кто такой Пантелеймон?

— Домовой! — донеслось снизу. — Но он на больничном!

— Почему?

— По причине душевной усталости! Записку на холодильнике прочитай!

Варя спустилась на кухню. Кухня была за лавкой: большая, с русской печью, деревянным столом и вполне современным холодильником, на котором магнитом в виде летучей мыши была прикреплена записка. Почерк был кривой, буквы разного размера, как будто писали веником.

«ХОЗЯЙКЕ НОВОЙ.

Я НА БОЛЬНИЧНОМ. ДУШЕВНАЯ УСТАЛОСТЬ.

ВАЛЕРЬЯНКУ НЕ ТРОГАТЬ, ОНА МОЯ.

КОТУ НЕ ВЕРЬ, ОН ЕЛ.

П.».

— Я ел, — сказал кот, появляясь в дверях. — Но это было давно. Утром. Это не считается.

Варя достала из холодильника пирожки, поставила их греться в микроволновку, которая выглядела в этой кухне так же неуместно, как космический корабль в музее лаптей. Пирожки оказались божественными. Она съела четыре. Пятый она разделила с котом, который ел с таким видом, будто делает ей одолжение.

За окном совсем стемнело. Туман поднялся выше, к самым окнам, и теперь в нём тускло и рыже светились тыквы. Вся улица мерцала: десятки огоньков в белом молоке, как будто кто-то развесил в воздухе гирлянду из маленьких солнц. Где-то далеко завyla собака. Потом замолчала. Потом завyla снова, только теперь это было больше похоже не на собаку, а на кого-то, кто очень старается выть как собака, но у него не очень получается.

— Это кто? — спросила Варя.

— Это участковый, — сказал Аристарх, вылизывая лапу. — Распеваётся. У него полнолуние в субботу.

— Участковый поёт?

— Можно и так сказать.

Варя решила, что на сегодня с неё достаточно. Она вымыла тарелку, погасила на кухне свет и уже взялась за перила лестницы, когда в дверь лавки постучали.

Стук был тихий, вежливый. Три раза.

Варя посмотрела на часы. Ровно полночь.

— Кто это? — шёпотом спросила она.

Аристарх запрыгнул на прилавок, сел, обвил лапы хвостом и посмотрел на неё с выражением, которое у человека означало бы ехидную улыбку.

— А это, — сказал он, — твой первый покупатель. Открывай, хозяйка. Лавка работает с полуночи до рассвета. Так было всегда.

Колокольчик над дверью звякнул сам собой. Самовар на прилавке, холодный уже много дней, тихонько зашумел, будто в нём кто-то вздохнул.

Варя поправила свитер, пригладила волосы и пошла открывать.

Глава 2. Ночные покупатели

На крыльце стояла женщина.

Высокая, очень бледная, с длинными рыжими волосами, которые шевелились, хотя ветра по-прежнему не было. На ней было старомодное зелёное платье до пят и пуховый платок, повязанный крест-накрест, как у деревенской бабушки. Лицо у неё было красивое и печальное. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, и издала звук, похожий на скрип несмазанной калитки.

— Кх-х-х, — сказала женщина и умоляюще посмотрела на Варю.

— Здравствуйте, — сказала Варя. — Проходите, пожалуйста.

Женщина вошла. Платье её не касалось пола. Ноги, кажется, тоже.

— Это Мэри, — представил Аристарх с прилавка. — Банши. Приехала к нам по обмену опытом в восемьдесят седьмом году, из Ирландии. Влюбилась в водяного с нашего пруда и осталась. У неё через три дня сольный концерт на ярмарке, а она сорвала голос.

— Кх-х, — подтвердила Мэри и приложила руку к горлу.

— Банши, — повторила Варя и тут же поправилась: — То есть очень приятно. Банши ведь... кричат? Перед тем как кто-то... ну...

— Это стереотип, — обиженно сказал кот. — Мэри поёт. В основном народные. Иногда романсы. Очень душевно. Правда, у слушателей потом три дня кровь стынет в жилах, но это скорее комплимент.

Мэри кивнула, скромно опустив глаза.

Варя растерянно оглядела полки. Сотни банок. Сотни мешочков. На бирках было написано от руки: «Чабрец горный», «Мята лунная», «Липа с северной стороны», «Сон-трава (не для сна)», «Шиповник ворчливый», «Корень терпения», «Полынь для тех, кто не помнит».

— Я не знаю, что тут брать, — честно сказала она. — Я не травница. Я менеджер проектов.

— А ты не бери, — сказал кот. — Ты самовар включи.

— Он не включается, он же на углях.

— Ты погладь его.

Варя посмотрела на кота, на банши, на самовар. Самовар был медный, пузатый, с краником в форме рыбьей головы. Она протянула руку и осторожно, чувствуя себя полной дурой, погладила его по тёплому боку.

Самовар вздохнул.

Это было очень отчётливо. Он вздохнул, как вздыхает старый пёс, которого почесали за ухом после долгой разлуки. Внутри у него загудело, зашумело, и через несколько секунд из трубы поднялась тонкая струйка пара. А потом на полках что-то зашуршало.

Варя отдернула руку. Три банки на верхней полке сами собой слегка выдвинулись вперёд, будто шагнули из строя. «Мёд вересковый», «Шалфей певчий», «Корень солодки». Четвёртая, с надписью «Мята лунная», тоже было дернулась, но, кажется, передумала и задвинулась обратно.

— Вот, — сказал кот. — Самовар подсказывает. Агафья всегда так делала. Ты руками бери, чего ждёшь.

Варя сняла банки. Из шкафчика под прилавком сам собой выехал заварочный чайник. Белый, фарфоровый, расписанный синими летучими мышами. Варя насыпала в него травы. Сколько насыпать, она не знала, поэтому сыпала, пока рука не остановилась сама. Это было странное чувство: как когда печёшь бабушкины блины и не мерить, а просто знать, что теста хватит. Только у Вари никогда не было бабушки, которая пекла блины. Её мама покупала замороженные.

Она налила кипятку из краника-рыбы. Пар поднялся над чайником и на секунду сложился в маленькую, почти прозрачную птичку. Птичка взмахнула крыльями и растаяла.

— Ой, — сказала Варя.

— Хороший знак, — сказал кот. — Значит, получилось.

Мэри взяла чашку обеими руками, вдохнула пар, отпила. Закрыла глаза. Сделала ещё глоток. А потом открыла рот и тихо, вполголоса, пропела одну ноту.

Нота была чистая, высокая и такая пронзительная, что все банки на полках тоненько зазвенели, по спине у Вари пробежали мурашки размером с воробья, а за окном на соседнем участке с забора с грохотом свалилась тыква.

— О, — сказала Мэри своим обычным голосом. Голос оказался мягкий, с лёгким акцентом. — О, спасибо, дорогая. Спасибо! Агафья делала точно так же. Совсем точно так же!

Она расцеловала Варю в обе щёки. Губы у неё были холодные, как утренняя роса. Потом положила на прилавок монету. Монета была серебряная и очень старая, с профилем какого-то короля.

— Приходи на концерт, — сказала Мэри уже в дверях. — Первый ряд. Только возьми с собой шарфик. И валерьянку.

Колокольчик звякнул, и она растаяла в тумане.

Варя посмотрела на монету. Потом на свои руки. Руки немного дрожали, но не от страха. От чего-то другого.

— Я это сделала, — сказала она.

— Ты это сделала, — согласился кот. — Не задавайся. Это был простой случай.

Следующий покупатель пришёл через полчаса. Он был замотан в бинты с головы до ног, бинты были желтоватые от времени, и при каждом шаге от него сыпалась мелкая пыль. Он вежливо снял с головы кепку, обнажив ещё больше бинтов, и сказал скрипучим голосом:

— Доброй ночи. Рамзес Петрович. Охранник в сельпо. Мне бы что-нибудь от моли.

— От моли, — сказала Варя.

— Она меня ест, — печально объяснил Рамзес Петрович и показал локоть. На локте в бинтах действительно были дырочки. — Каждую осень. Три тысячи лет спокойно лежал, а как переехал в средние широты, так и началось.

Самовар хмыкнул. На полке выдвинулся холщовый мешочек с надписью «Лаванда. Полынь. Терпение». Варя насыпала его содержимое в бумажный кулёк и объяснила, что, наверное, его нужно разложить по карманам. Рамзес Петрович поблагодарил, расплатился шоколадкой «Алёнка» и ушёл, оставив на полу маленькую горку песка.

— Подмету, — сказала Варя.

— Подметёшь, — согласился кот. — Это не простой песок, кстати. Это из Долины Царей. Его можно продать с хорошей наценкой.

В половине второго пришли три маленьких лохматых существа ростом Варе по колено. Они хотели купить «чего-нибудь, чтобы мамка не заметила, что мы гуляли». Самовар выдал им мятные леденцы. В два часа заглянул очень вежливый молодой человек в старомодном пальто, у которого не было тени. Он купил пачку чёрного чая с бергамотом и попросил передать привет Агафье Тимофеевне. Узнав, что передать некому, он долго молчал, а потом снял шляпу и постоял так минуту, глядя в пол. Потом ушёл, не сказав ни слова.

— Он её любил, — тихо сказал кот, когда дверь закрылась. — Лет семьдесят назад. Она ему отказала. Сказала, что ведьма и вампир — это мезальянс. Но чай он у неё покупал до самого конца.

Варя ничего не ответила. Она стояла и смотрела на закрытую дверь, и ей почему-то хотелось плакать, хотя час назад она не знала ни этого человека, ни своей бабушки.

Около трёх часов ночи колокольчик над дверью звякнул особенно резко, требовательно, будто его дёрнули. Варя подняла голову.

На пороге стояла женщина неопределённого возраста. Ей могло быть сорок, а могло быть и двести. Строгий тёмный костюм, белоснежная блузка с жабо, камея у горла. Волосы собраны в идеальный пучок, ни одна прядь не выбивалась. В руках она держала планшет с зажимом, а на носу у неё сидели очки в тонкой оправе. Губы её были накрашены тёмно-вишнёвой помадой, и, когда она улыбнулась, Варя увидела, что два верхних клыка у неё чуть длиннее, чем положено.

— Варвара Сергеевна, — сказала женщина. Это было не приветствие, а констатация. — Эльвира Карловна Штерн. Заведующая сельской библиотекой. Председатель оргкомитета Тыквенной ярмарки. Двести одиннадцать лет без единого опоздания. Пирожки понравились?

— Очень, — сказала Варя. — Спасибо большое.

— Я так и думала. Рецепт моей прабабушки. Сама я, разумеется, не пробовала. — Эльвира Карловна вошла, огляделась, провела пальцем по прилавку, проверяя пыль. Пыли не было. — Хорошо. Вижу, лавка работает. Вижу, самовар тебя признал. Это главное. Остальному научись. У нас, к сожалению, мало времени на церемонии, поэтому сразу к делу.

Она положила планшет на прилавок. На верхнем листке было написано крупными буквами: «ТЫКВЕННАЯ ЯРМАРКА. ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ».

— Тридцать первого октября в Нижних Ухабах ярмарка, — начала Эльвира Карловна. — Это самое важное событие года. Ты должна понимать, почему. Аристарх, полагаю, не объяснил?

— Я собирался утром, — сказал кот.

— Разумеется. — Эльвира Карловна посмотрела на Варю поверх очков. — Видишь ли, в Ухабах живут... разные жители. Ты уже заметила.

— Заметила, — сказала Варя.

— Большую часть года мы носим личины. Это такое заклятие. Ты смотришь на меня и видишь библиотекаршу в очках. Почтальон видит библиотекаршу. Глава района, когда приезжает с проверкой, видит библиотекаршу, у которой, к сожалению, всегда перерасход бюджета на свечи. Это удобно и безопасно.

— Но я вижу... — Варя запнулась.

— Клыки, — кивнула Эльвира Карловна. — Ты ведьма. Ведьмы видят сквозь личины. Так вот. Есть одна ночь в году, когда личины не держатся ни на ком. Тридцать первое октября. Тыквенная ночь. В эту ночь с каждого из нас спадает всё лишнее, и мы становимся тем, кто мы есть. Клыки. Хвосты. Бинты. Отсутствие отражения. Отсутствие, простите, головы, у нас тут есть один такой господин, очень приличный.

— И что тогда?

— А тогда мы празднуем, — сказала Эльвира Карловна, и на её лице впервые появилось что-то похожее на настоящую улыбку. — Тридцать лет назад нам пришла в голову блестящая мысль. Если нельзя спрятаться, надо спрятаться на виду. Мы устроили ярмарку. Хэллоуин. Костюмы. Тыквы. Карнавал. Теперь к нам приезжают туристы. Целыми автобусами. Ходят по улицам, пьют глинтвейн, фотографируются с вампирами, скелетами и оборотнями и восхищаются тем, какие у нас в деревне потрясающие костюмы.

— Они думают, что вы ряженные, — медленно сказала Варя.

— Именно. Мы одну ночь в году можем не притворяться. И за это нас ещё и хвалят. Пишут в интернете отзывы. Пять звёзд. «Невероятно реалистичный грим». Ты не представляешь, как это приятно после трёхсот шестидесяти четырёх дней маскировки.

— Но как? — спросила Варя. — Ведь если клыки настоящие... люди же не слепые. Кто-нибудь заметит.

Эльвира Карловна и кот переглянулись.

— Фонарь, — сказал Аристарх.

— Главный Фонарь, — уточнила Эльвира Карловна. — Старинная тыква. Её вырастила ещё прапрабабка Агафьи, сто лет назад. Она стоит на площади, на каменном постаменте. В

Тыквенную ночь, ровно в полночь, её зажигают, и её свет накрывает весь посёлок. Это морок. Очень тонкий, очень старый. Кто попадает в этот свет, тот видит всё правильно: что всё вокруг ненастоящее. Костюмы, грим, спецэффекты. Даже если вампир укусит туриста за шею, турист решит, что это такой интерактив, и оставит хороший отзыв.

— Вы кусаете туристов?

— Уже нет, — сказала Эльвира Карловна. — Это было один раз, в девяносто шестом, и это был не я. И турист был не против.

Она перелистнула страницу на планшете.

— Фонарь всегда зажигала Агафья. Теперь его должна зажечь ты. Это первое. Второе: ярмарочный чай. Двести литров. Лавка Синичкиных всегда отвечала за чай. Третье: конкурс костюмов. Четвёртое...

Колокольчик снова звякнул, и в дверь, пригнувшись, вошёл очень крупный мужчина в полицейской куртке. У него было широкое обветренное лицо, густые брови, щетина, которая, кажется, была постоянной частью облика, и очень лохматая тёмная шевелюра. В руке он держал фуражку.

— Доброй ночи, — сказал он хриплым басом. — Участковый Бураков. Тихон Ильич. Документики на наследство попрошу.

— Тихон, — укоризненно сказала Эльвира Карловна. — Три часа ночи.

— Служба, — сказал участковый и шумно втянул носом воздух. Варя показалось, что он принюхивается. Причём не к травам, а к ней. — Новый человек в посёлке. Положено проверить.

Варя достала из рюкзака папку с документами и протянула ему. Бураков читал долго, шевеля губами, водя по строчкам толстым пальцем. Потом вернул папку, посмотрел на Варю внимательными тёмными глазами, в которых, если присмотреться, мелькали жёлтые искры, и сказал:

— Пахнешь как Агафья. Это хорошо.

— Спасибо, — сказала Варя, не зная, как ещё на это реагировать.

— Это был комплимент, — пояснил кот. — У Тихона Ильича тонкое обоняние. Профессиональное.

Участковый кивнул, надел фуражку и уже повернулся к двери, но вдруг замер. Плечи его напряглись. Он медленно повернул голову к окну.

— Что такое? — спросила Эльвира Карловна.

— Не знаю, — сказал Бураков. — Тихо стало.

Варя прислушалась. Действительно. За окном было тихо. Слишком тихо. Даже туман, казалось, перестал шевелиться. Огоньки в тыквах на улице мигнули, все разом, как лампочки при скачке напряжения. И погасли.

А потом, где-то далеко, со стороны центра посёлка, раздался крик.

Это был не страшный крик. Это был крик человека, который только что обнаружил, что у него угнали машину. Или потеряли паспорт перед самолётом. Громкий, возмущённый, отчаянный.

— Это Савелий, — сказал участковый. — С площади.

Он рванул дверь и выбежал. Эльвира Карловна подхватила планшет и вышла за ним, не теряя достоинства и при этом каким-то образом двигаясь вдвое быстрее. Аристарх спрыгнул с прилавка.

— Пошли, — сказал он Варя.

— Куда?

— На площадь. Что-то случилось. И, судя по тому, что тыквы погасли, — кот посмотрел на неё, и в его жёлтых глазах впервые не было насмешки, — что-то очень нехорошее.

Глава 3. Кабачок с запиской

Площадь Нижних Ухабов оказалась небольшой, круглой и мощённой старым булыжником, между которым пробивался мох. По краям стояли двухэтажный клуб с колоннами, сельпо, библиотека с высокими стрельчатыми окнами и старая водонапорная башня, увитая плющом. Над всем этим, на столбах, висели гирлянды из сушёной рябины, бумажных летучих мышей и маленьких тыковок. Посреди площади возвышался каменный постамент. Серый, древний, поросший с одной стороны лишайником. На постаменте лежал кабачок.

Обычный кабачок. Зелёный, средних размеров, слегка помятый. Из тех, что в августе соседи пытаются всучить тебе в количестве шести штук, потому что их девать некуда.

Вокруг постаamenta уже собралась толпа. Варя, запыхавшись, остановилась у края площади и некоторое время просто смотрела.

Там был высокий старик с бородой до пояса, в которой запутались сухие листья, жёлуди и, кажется, небольшое птичье гнездо. На нём был фартук, весь в оранжевых тыквенных пятнах, а в руке он сжимал огромный резной нож. Это он кричал. Теперь он уже не кричал, а стоял, опустив плечи, и смотрел на кабачок так, как смотрят на могилу друга.

Там был квартет скелетов в одинаковых красных косоворотках. Они держались друг за друга костлявыми руками и тихонько стучали зубами.

Там была Мэри, уже без платка, и рядом с ней мужчина в мокром плаще, с которого непрерывно капала вода. С волос у него свисала тина.

Там был Рамзес Петрович с кульком лаванды в руках, и три лохматых существа, которые покупали леденцы, и ещё десятка два жителей, которых Варя не могла толком разглядеть в тумане и темноте. Кто-то был очень высокий и тонкий. Кто-то низенький и круглый. У кого-то светились глаза. Кто-то, кажется, состоял из одного только дыма.

Тихон Бураков стоял возле постаamenta, присев на корточки, и обнюхивал камень. Обнюхивал в буквальном смысле, почти касаясь носом.

Эльвира Карловна держала кабачок двумя пальцами, безглаголиво, на вытянутой руке, как держат дохлую мышь. К кабачку была привязана бечёвкой записка.

— Что там написано? — спросил кто-то из толпы.

Эльвира Карловна поправила очки.

— Там написано, — сказала она ледяным тоном, — «Ха-ха».

Толпа зашумела.

— И всё?

— И всё. Два слова. Хотя технически одно, через дефис.

— Это кто ж такой шутник?! — взревел старик с бородой. — Кто?! Я сорок лет за ним ухаживаю! Я ему каждую неделю бока протирал! Я с ним разговаривал!

— Спокойно, Савелий, — сказал участковый, не поднимаясь. — Найдём.

— Найдём! — передразнил старик. — Через три дня ярмарка! Через три дня!

Он махнул ножом, и скелеты в косоворотках дружно отпрянули. Один из них отпрянул так сильно, что у него отвалилась нижняя челюсть, и он долго, смущённо подбирал её с булыжника.

Варя подошла ближе. Аристарх шёл рядом, задрав хвост трубой.

— Это Фонарь? — тихо спросила она. — Был тут?

— Был тут, — так же тихо ответил кот. — Сто лет был. Вот на этом самом месте.

На постаменте, если присмотреться, было видно круглое углубление, гладкое, отполированное. Будто сто лет на этом месте лежало что-то тяжёлое и тёплое. Камень вокруг углубления был чуть светлее, чем остальной.

— А почему все тыквы погасли?

— Потому что они все от него, — сказал кот. — Каждую осень Савелий берёт семечки у Фонаря, выращивает новые тыквы, вырезает. Они все немножко его дети. Без него они не горят. Видишь?

Варя огляделась. Тыквы вокруг площади стояли тёмные, мёртвые, с пустыми прорезями глаз. Они больше не смотрели. И от этого почему-то было ещё страшнее, чем когда смотрели.

— Так! — громко сказала Эльвира Карловна и хлопнула в ладоши. Звук разнёсся по площади, как выстрел. — Внимание! Экстренное заседание оргкомитета. Немедленно. В клубе. Всем, кто имеет отношение к ярмарке. Остальных прошу разойтись и сохранять спокойствие. Тихон Ильич, ты тоже.

Участковый наконец поднялся. Отряхнул колени.

— Тут детьми пахнет, — сказал он. — И мёдом. И ещё чем-то... Не пойму. Тут все потоптались, следы перемешались.

— Разберёмся, — сказала Эльвира Карловна. — Варвара Сергеевна, вы тоже.

— Я?

— Вы. Вы теперь Синичкина. Синичкины всегда сидят в оргкомитете.

Клуб внутри был похож на все сельские клубы, которые Варя когда-либо видела, с той разницей, что на стенах между стендами «Наши ветераны» и «Лучшие доярки района» висел портрет мрачного господина в чёрном плаще с подписью «Почётный житель. 1743—». Дата смерти отсутствовала. Под потолком, вверх ногами, висели три летучие мыши и, кажется, внимательно слушали.

Члены оргкомитета расселись за длинным столом, покрытым зелёным сукном. Эльвира Карловна во главе. Справа от неё старик Савелий, который оказался лешим и сейчас нервно ошипывал листья со своей бороды. Слева квартет скелетов. Их звали, как выяснилось, ансамбль «Косточки», и они отвечали за музыку. Дальше Мэри с мужем-водяным, который назвался Никанором и всё время извинялся за лужу под стулом. Рамзес Петрович, отвечавший за охрану. Тихон Бураков, который сел так, чтобы видеть и дверь, и окно. И Варя. Аристарх устроился у неё на коленях, и колени немедленно затекли.

— Итак, — сказала Эльвира Карловна. — Ситуация. Фонарь украден. Ярмарка через три дня. Без Фонаря в полночь тридцать первого с каждого из нас спадёт личина, и мы окажемся на площади перед всеми в своём истинном виде. Без морoka. Без защиты.

— Так отменим, — сказал водяной Никанор. — Отменим ярмарку. Скажем, что карантин. Что дорогу размыло.

— Нельзя, — сказала Эльвира Карловна.

— Почему?

Эльвира Карловна тяжело вздохнула и достала из папки распечатку.

— Потому что в прошлом месяце, — сказала она, — администрация района включила нашу ярмарку в официальную туристическую программу «Осенние чудеса губернии». Глава района, Павел Семёнович Ложкин, лично. Он очень гордится. Сюда едут три автобуса из областного центра. Сто сорок человек. Блогеры. И съёмочная группа канала «Губерния-24». Прямой эфир в полночь.

Наступила тишина. В тишине было слышно, как капает вода с плаща Никанора.

— Прямой эфир, — сказала Мэри.

— Прямой, — подтвердила Эльвира Карловна.

Один из скелетов уронил голову на стол. Не фигурально. Голова откатилась к Варе, и та машинально придвинула её обратно.

— Спасибо, — сказала голова.

— Не за что.

— А если сказать, что ярмарка отменяется? — повторил Никанор. — Ну, мол, все заболели.

— Если сказать, что ярмарка отменяется, — терпеливо объяснила Эльвира Карловна, — Павел Семёнович лично приедет выяснять, почему. Он сюда приедет тридцать первого, в любом случае, потому что он такой человек. Его бесполезно отговаривать. Я пыталась. А тридцать первого, если ты помнишь, ни на ком из нас личины не будет. И он нас увидит. Нас всех. И никакой Фонарь нас уже не прикроет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.